

902. 7

M-34

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

МАТЕРИАЛЫ
ПО
ЭТНОГРАФИИ

ТОМ III

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

ЛЕНИНГРАД

1926

С.П. Григорова

М 34

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

МАТЕРИАЛЫ
ПО
ЭТНОГРАФИИ

ТОМ III

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

ИЗДАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО МУЗЕЯ

ЛЕНИНГРАД

1926

ЛЕНИНГРАД

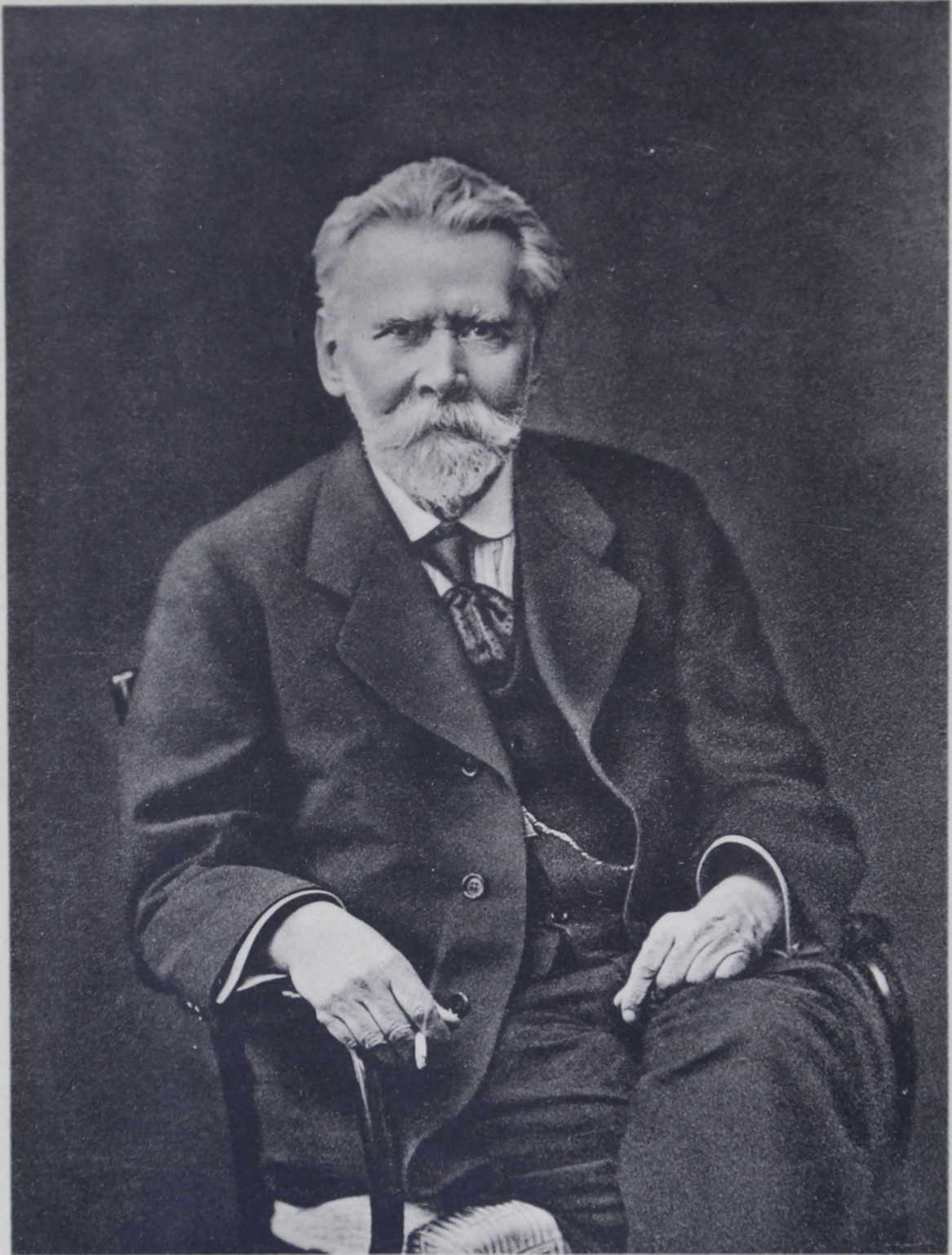
2 БИБЛИОТЕКА
И.М. 8594

Напечатано по распоряжению Государственного Русского Музея

Ученый Секретарь *Н. Черепнин.*

Ленинградский Гублит № 5724. Тираж 1000.

Гос. тип. имени Ивана Федорова, Ленинград, Звенигор., 11.

C. G. L. H. M.

В июне 1918 года на 71-ом году жизни, на пути в Киев скончался редактор первых двух томов „Материалов“ и Хранитель Этнографического Огдела проф. Федор Кондратьевич Волков.

Он получил образование на естественном факультете Киевского Университета, после окончания которого начал вести научную работу, не сразу найдя свою специальность— науку о человеке,—а сначала пробуя свои силы в других областях естествознания. Общественный инстинкт, увлекавший его в широкую общественно политическую деятельность и борьбу, не позволил ему сосредоточиться на спокойной научной работе, и участие в руководящих революционных украинских организациях сделало для Федора Кондратьевича невозможным пребывание в России. После бегства за границу он жил в Румынии, Италии, Швейцарии и, наконец, основавшись в Париже, вступил в группу французских антропологов, руководивших Антропологической Школой и Антропологическим Обществом, с их журналами и обширным кругом последователей. Здесь, в Париже, Федор Кондратьевич получил ученую степень и приступил к преподаванию и, что всего важнее, нашел ту среду в которой окончательно определилось направление его дальнейшей работы и окрепли его замечательные способности.

С возвращением в Россию в 1907 году начинается новый период деятельности Федора Кондратьевича в Русском Музее и в С.-Петербургском Университете, где он читает курс антропологии. Условия научной работы в Петербурге для Федора Кондратьевича были не вполне благоприятны. Служебный этикет Музея Дворцового Ведомства плохо вязался с общественно-научной идеологией Федора Кондратьевича, а приват-доцентура в Университете не могла обеспечить полного развития преподавательской деятельности. Человек новый для петербургских академических кругов, Федор Кондратьевич постепенно занимает в них достойное место, и в 1917 г. Петербургский Университет присуждает ему докторскую степень *honoris causa*.

Принадлежа к французской школе антропологов, Федор Кондратьевич широко понимал науку о человеке и оставил нам классические исследования в области этнографии и палеоэтнологии и соматической антропологии.

Блестящее научное мышление, обширная эрудиция, педагогический талант и обаятельность личности привлекли к нему многочисленных учеников и позволили в короткий срок создать в Петербурге свою школу.

„Материалы по этнографии“ были одной из сторон творческой деятельности Федора Кондратьевича, но не вполне отражали его идеологию. Народный быт Федор Кондратьевич рассматривал как единый процесс, совершающийся в непрерывной смене веков со времен глубокой древности и до наших дней. Работая непрерывно, как в области угасших культур, так и современного быта, Федор Кондратьевич и этнографический музей мыслил как музей быта народов в прошлом и настоящем.

Посильное претворение в жизнь идей покойного учителя выпало на долю его учеников и последователей. Вопросы палеоэтнографии, установление органической связи современного быта с прошлым, анализ угасших культур и выяснение связи их с современными—особенно занимают последние годы внимание Этнографического Отдела. Этими обстоятельствами и определяется содержание настоящего тома.

Ограничиваясь в настоящее время этой краткой памяткой о покойном редакторе „Материалов“, Этнографический Отдел в будущем предполагает посвятить памяти Ф. К. Волкова особый том, объединив в нем статьи его учеников и сослуживцев.

История и техника тканья украинских килимов.

I.

Еще в сравнительно недавнем прошлом, а в некоторых местах и до последнего времени, ковры были широко распространены по всей Украине и не только в верхних слоях населения, но и в широких народных массах, где они вошли в сознание, как необходимая принадлежность каждого хозяйства, заняли прочное и почетное место в народном быту. Пришедшие с Востока, они не только нашли на Украине благоприятную среду для широкого распространения, но послужили материалом, над которым упорно и долго трудился народ, перерабатывая чужие орнаментальные формы и красочные сочетания в новые композиции, более отвечающие его вкусам, потребностям и пониманию, более созвучные и близкие его духу и чувству прекрасного.

Значительная роль украинского ковра в народном быту и его высокие художественные достоинства выдвигают вопрос о времени появления восточных ковров у предков современных украинцев, об условиях проникновения их в народную среду и об изменениях, которые они претерпели на путях своего исторического развития вплоть до наших дней. Последнему вопросу посвящена статья Б. Г. Крыжановского, подходящего к разрешению его путем типологического изучения ковров.

К выяснению же вопроса о времени первого появления ковра на территории Украины и распространения его в народной среде следует идти иным путем, ибо предположения, основанные на тождественности технических приемов тканья восточных и украинских ковров и на изучении их орнаментальной связи, были бы неточны и спорны. Широкое распространение на Украине ковров, близких стилистически к коврам среднеазиатским, позволяет допустить лишь общее предположение, что и занесены они были в Поднепровье из Азии турецкими кочевниками. Но, конечно, нет оснований утверждать, что тогда же ковер широко распространился в народной среде. Быть может это и случилось частично в то время, но гораздо вероятнее, что ковер долгое время был достоянием верхних слоев и лишь в литовскую эпоху или, в качестве военной добычи, во времена казачества, разлился в народной среде широкой волной.

Дошедшие до нас старейшие украинские ковры относятся к началу XVIII в., но они оказываются настолько законченными и художественно высокими, что предполагают предшествующую им долгую традицию. И действительно, мы имеем документальные указания на бывших еще в XVI в. коверников.

В поисках более ранних указаний приходится также обратиться к письменным источникам, и летопись не должна казаться нам слишком старым документом, ибо уже под 977 г. мы находим там первое ясное указание на присутствие ковров на Руси: тело убитого Олега „вынесша, и положиша его на ковре“ ¹⁾.

Далее, вплоть до 1175 г., та же летопись неоднократно упоминает ковер, как принадлежность княжеского обихода. Интересно, что все эти упоминания относятся к одному и тому же моменту—смерти князя: тело умершего полагалось на ковер. Так было с братом Ярополка Олегом (977 г.) ¹⁾, князем Владимиром (1015 г.) ²⁾, ослепленным Васильком, которого ошибочно признали мертвым (1097 г.) ³⁾ и, наконец, с убитым Андреем Боголюбским (1175 г.) ⁴⁾.

Такая повторяемость одинакового употребления ковра позволяет предположить, что в великокняжескую эпоху ковер, конечно, привозный, не только был известен на Руси, но и занял уже в это время определенное и твердое место в быту. Киев в это время вел оживленную торговлю с Грецией, куда посылал невольников, мед, воск, меха и взамен получал вина, золото, серебро, богатые одежды, ковры, сафьян и проч.

Позже, в период татарщины, в XIII и XIV вв. Русь снова непосредственно соприкоснулась с Азией, а через Киев в то время шли торговые пути, соединяющие Запад с Крымом и другими странами, вплоть до Индии. Через Киев шли и частью, конечно, здесь оседали камка александрийская, восточные ковры и проч. Упоминаются ковры („сорочинские“) и в былинах ⁵⁾, их встречаем мы и в исторических песнях, собранных Антоновичем и Драгомановым и относящимся к описываемому периоду ⁶⁾. Конечно, и в это время ковры были дороги и доступны только богатым людям.

В Литовский период, особенно после унии с Польшей, сильно начинает сказываться польское влияние. Перестраивается весь уклад жизни, меняются отношения различных слоев населения; в середине XVI стол. шляхта вполне уже перенимает обычаи и привычки польского панства, усваивает стремление к комфорту и роскоши, что отразилось и на распространении ковров. С середины XVI в. в архивных материалах мы находим уже прерывающийся ряд указаний на бытование ковров в шляхетской среде и на их производство на Украине своими людьми—„невольниками“.

Так в 1547 г. князь Ф. Сангушко завещает жене между прочим имуществом и ковер ⁷⁾; в инвентаре имения Русоты, составленном Городненским земским судом в 1556 г., значится „коверцев 3“ ⁸⁾; по документу 1578 г. у Марии Гольшанской было „коберців два“ ⁷⁾; по показанию той же Марии Гольшанской, в 1588 г. ею были получены в приданое „Юрко, коверник, невольник Федор, коверник, невольник, которого де мні пані Миколаева Волчакова приказала“ ⁹⁾. Это первое по времени указание на местных мастеров коврового дела.

Насколько велик был в то время спрос на ковры, можно судить по размерам торговли и количеству ковров у отдельных лиц. Так, в 1602 г. из Царьграда было отправлено

¹⁾ Летопись по Лаврентьевскому списку, изд. Археографич. Комиссии, 1872 г., стр. 73.

²⁾ Лаврентьев., 127.

³⁾ Лаврентьев., 251.

⁴⁾ Лаврентьев., 350—351.

⁵⁾ Аристов, Н. Промышленность древней Руси. СПб., 1866 г., стр. 194, 195.

⁶⁾ Антонович и Драгоманов. Историч. песни малорусск. народа, т. I, Киев, 1874 г.

⁷⁾ Акты Врем. Ком. для разб. др. актов, т. I, стр. 121—122.

⁸⁾ Головацкий, Як. Черты домашн. быта рус. дворян на Подляшши по актам XVI ст. 1888 г.

⁹⁾ Акты Врем. Ком. I, 149—163.

во Львов к местному купцу-армянину Ивашковичу два воза, а в них „коверців червоних 150 штук на 755 черв.“ Им же послано в Торн и Данциг 151 ковер ¹⁾).

В начале XVII в. у князя Януша Острожского было свыше 100 ковров ²⁾; по описи 1637 г. Львовское братство имело 61 ковер, среди них много турецких и персидских ³⁾. Конечно, это были вклады братчиков и, конечно, не все они были приобретены покупкой и меной; в это время и казачество уже достаточно было богато военной добычей. Надо полагать, что среди этих ковров были ковры и украинской работы, ибо определение отдельных ковров по описи, как персидских и турецких предполагает наличие и каких-то иных ковров. Эти иные ковры могли быть украинской работы, ибо в это время на Украине ковры производились не только для „панов“, но и для торговли. Это видно из письма коронного хорунжего О. Конецпольского к Новгородскому воеводе Бутурлину в 1647 г. с жалобой на грабеж кн. Одоевского, произведенный над гадячскими купцами под Белгородом, которые „ехали с горелкою, с табаком, с медом, с килимами, с коцами, с сафьянами Турскими“, всего „больши нежели на десять тысячей считают, побрано“ ⁴⁾.

Таким образом узнаем, что в XVIII в. в Левобережье ковры не только умели ткать, но ткали их в большом количестве и не только для удовлетворения личных потребностей, но и для продажи и экспорта. Несомненно, что умение ткать ковры и привычку к ним занесли сюда переселенцы с правой, более культурной, стороны Днепра гораздо раньше.

Со второй половины XVII в. во многих завещаниях, инвентарях, описях имуществ и др. документах встречаем уже много указаний на ковры, в том числе и местной работы, и в большем количестве. Особенно интересны в этом отношении описи имуществ гетмана Ивана Самойловича и его сыновей Григория и Якова ⁵⁾ (1690 г.), ахтырского полковника Ивана и сына его Даниила Перекрестовых ⁶⁾ (1705 г.) и „книга пожитков б. черниговского полковника Павла Полуботка и детей его Андрея и Якова Полуботков“, составленная в 1724 г. ⁷⁾. Семье Скоропадских принадлежало 124 ковра и килима. Опись, чрезвычайно обстоятельно составленная, строго различает эти два рода ковровых изделий и определяет их происхождение; для нас наиболее интересны встречающиеся здесь „ковер литовского дела“, „килим литовский“, что должно указывать на местную работу их.

„Книга пожитков“ Полуботка, одного из самых богатых людей своего времени, представляет особый интерес, ибо по ней легко с полной ясностью восстановить бытовую обстановку украинской старшины со всей ее пышностью и богатством, стремлением к роскоши и комфорту, отразившей на себе западное влияние и свой „золотой“ XVII век. Имущество Полуботка и, в частности, его ковровое богатство не поддаются точному учету; нет ни одной комнаты в его большом каменном доме в Чернигове, где бы не было ковров. Вот, для примера, описание одной из горниц: „на стене прибит ковер, килимов на стене же прибитых 4, 1 картина китайской работы, шита по белому атласу шелком разным стол длинный, на нем ковер пестрый, другой стол круглый, лавки убиты килимами“... и дальше на каждом шагу, везде и всюду ковры и килимы; ими покрыты столы, покрыты стены, обиты скамьи, ими заполнены сундуки, даже в доме старосты и казначея оказывается „килимов пестрых 5“. В принадлежавшем Полуботку селе Михайловке (Сумского полка) в одном сундуке оказалось „ковров черкасской (т. е. местной) работы больших 3,

¹⁾ Грушевский, М. „Исторія України—Руси“, т. VI, стр. 71.

²⁾ Грушевский, 344, 396.

³⁾ „Архив Юго-Зап. России“, изд. ком. для разб. др. актов, ч. I, т. X, 1904, стр. 145—176.

⁴⁾ Акты, относящиеся к ист. Южн. и Зап. России—т. III, 1862, стр. 91—92.

⁵⁾ Русск. историч. библиотека. Изд. Археограф. Комис.—т. VIII, 1884 г., стр. 949—1204.

⁶⁾ А. Ефименко.—Южная Русь, т. II, 1905 г. („Старинная одежда и принадлежн. дом. быта слобожан“).

⁷⁾ Изд. Милорадовичем.

килим черкасской работы 1. Да, в меньших сундуках начато делать ковров 2⁴. Здесь же оказывается „пряжи разных цветов на ковер 1“, а „вдворе людей“, кроме старосты с семьей и писаря, значатся „послужник Василий Куницкий с женою, которая мастерица коверного дела, да девок коверных пять“¹⁾. Здесь, хотя и для своих потребностей, производство широко поставлено, это уже „панская“ мастерская. И, несомненно, эти „коверные девки“ достигли большого мастерства, и к этому времени уже настолько твердо сложилась своя, украинская традиция в композиции коврового орнамента, выросшего на восточных источниках, что сильно сказывавшееся в это время западное, в частности, польское влияние не могло сломать этих традиций. В этом убеждает нас сохранившийся до революции в собрании В. Кричевского в Киеве великолепный ковер с гербом П. Полуботка на золотом фоне в центре²⁾.

У ахтырского полковника Перекрестова насчитывается много ковров польских, персидских, турецких, а также „простых“, т. е., вероятно, местной работы; у него же имелись попоны „красные греческие“ и „черкасские, что называются коцы“. Здесь мы уже не впервые встречаемся с термином „коцы“, и несомненно, что в это время, в начале XVIII в., этот вид ковровых изделий с длинным ворсом был уже широко распространен по Украине, и производством их была занята значительная часть населения, ибо в середине этого века, по свидетельству автора „Топографич. описан. Харьковского наместничества“, изданного в 1788 г., — „Торг харьковскими коврами пространен; кроме употребления внутри всей Украины многие тысячи оных вывозят торговцы в Великорусские селения и за границу“. „Ковры сіи называются коци, а мастерицы коцарки, которые сами составляют из минералов и растений, здесь же собираемых, разных цветов краски, коими приготовленную шерстяную пряжу красят и тогда ткут ковры, и пристригают на подобие шрипу“. Параллельно с производством коцев росло и ширилось производство килимов. До нас дошло большое количество прекрасных ковров XVIII в., и это — лучшие образцы коврового дела на Украине. Ни в декоративном, ни в техническом отношении больших достижений в коврах Украина не дала.

К этому времени — XVIII веку — украинские ковры выявили свой наиболее излюбленный тип ковровой ткани — килим, т. е. двусторонний безворсный тканый ковер, в котором переплелись различные восточные влияния; отдельные области Украины наложили на них свой особый, местный отпечаток, а вообще украинский килим завершил переработку восточных орнаментальных мотивов в особый тип ковра, который так соответствует эстетическим требованиям украинского народа и определенно выделяется в особую группу среди подобных изделий других народов. Этот длительный процесс образования своего стиля предполагает участие в нем широких народных слоев и, действительно, свидетельства исследователей конца XVIII и начала XIX в. говорят нам о большом развитии коврового производства на Украине и широком распространении ковров не только в помещичьей, но и в народной среде. А. Шафонский в „Описании Черниговского наместничества“ сделанном в 1786 г.³⁾, отмечает повсеместно ковровые мастерские в имениях помещиков и приводит ряд названий местных растений, которыми пользовалось местное население для окраски шерсти. Необходимо помнить, что в Черниговское наместничество входила значительная часть нынешней Полтавской губ. (северн. и восточн. уезды). Он же отмечает производство ковров у отдельных мещан и крестьян (в Нежинском уезде). С. Таранушенко

¹⁾ „Книга пожитков П. Полуботка“, стр. 2, 28, 45, 48, 50.

²⁾ Этот ковер погиб во время революции, но раньше был издан В. Щербаковским („Українське мистецтво“. Львів—Київ, 1913 р.).

³⁾ Изд. Судиенко в Киеве в 1851 г.

мужа. С другой стороны, легкое отношение к браку очень тяжело отозвалось на молодых женщинах, обманываемых мужчинами. Общественная жизнь стала шумнее, разнообразнее и интереснее. Вместо старых сходов очень частые собрания, вместо приговоров — резолюции и протоколы. Новые слова, модные выражения, ходячие мысли, с запозданием попадающие в деревню, все это проявляется в деревне, то в сильной, то в слабой степени. Встречаются лица, которые не плохо говорят, разбираются в „текущем моменте“, „находятся в курсе всех дел“ и „вполне соответствуют своему положению“, в качестве руководителей общественного мнения. Во многих местах партийность очень слаба, но даже и при малочисленности партийные ячейки играют громадную роль, сосредоточивая в своих руках все нити управления и общестственности. Комсомольские группы развиваются, появляются пионеры. Количество их и их влияние на массу меняется со времени 1918 года. По мере умиротворения в стране и появления хороших руководителей меняются и сами ячейки, переходя от бурных проявлений юного задора, которому дан простор, к сознательной организационной и культурно-просветительной работе. Громадные приобретения сделал народный язык. Обогатившись новыми понятиями и терминологией, деревня вместе с тем переняла не мало современных словечек и всякого языкового сора. В области народного творчества также много нового, но при всем том старое устное творчество живет. Если частушки, меняя своих героев, следуют изломам жизни и общественных настроений, то наряду с ними проникают городские „долгие“ песни и поются старые народные. Особенно живут обрядовые песни там, где и сохранились более полно сами обряды. Да и частушка, в незначительной части политическая, в своей массе, перепевает вечные темы о милome, разлуке, измене, тоске и любви. А есть места, например, Калужская, Нижегородская и другие губ., где еще „играют“ песни, водят „хоровод“ и развлекаются старинными играми. Даже старинные сказки сохраняются и служат предметом интереса в дороге, в часы досуга или во время промысловой жизни вне дома.

Не имея возможности подробно останавливаться на отдельных вопросах или районах, что могло бы служить предметом специальных работ, должен сказать, насколько богатый материал современная деревня может дать наблюдателю этнографу и общественнику. Как старые бытовые явления, отмирающие навсегда или видоизменяющиеся, так и новые бытовые явления, наблюдаемые в деревне, заслуживают тщательного и вдумчивого внимания этнографов. Надо торопиться сохранить память о всем ценном для понимания истории русской культуры, пока еще живы в отдельных местах элементы умирающего быта и произведения народного искусства и творчества. Надо теперь же систематически регистрировать и изучать все новое, что проникает в деревенский быт или как временные явления, или как ростки нового будущего бытового уклада жизни. Настоящий переходный момент представляет для нас особый исключительный интерес, давая возможность непосредственно следить за сменой бытовых форм, устанавливать степень влияния на быт различных факторов и отмечать причины и поводы, обуславливающие исчезание или возникновение различных бытовых явлений. В данном отношении трудно придумать более благоприятные жизненные условия, чем годы исключительной революционной эпохи. На самом деле, жизнь последних лет была исключительно бурная и необычная. Ломка общественных отношений в связи с новой идеологией разрушали мировоззрение и устои деревни. Косность и веками слагавшийся быт выдерживают мощный порыв новых веяний. Старые устои поколеблены, а для молодежи уже не авторитетны и даже не знакомы. Представители старого мира быстро физически исчезают. В жизнь вступают те, кто лишь детьми видели дореволюционную Россию. Старый быт не вернется, как бы живучи ни были отдельные бытовые явления, как бы ни поражал местами внешне старый облик деревни, как бы ни слаб был налет нового на сохранившемся старом. Нового быта еще нет, но желание пере-

строить формы жизни налицо. Не хватает материальной базы для более быстрого изменения бытовых особенностей. С этим обстоятельством связана задержка и медленный ход культурно-хозяйственного преобразования деревни. Восстановление сельского хозяйства и усиление экономической мощи крестьянства, очень сильно пострадавшего за последнее десятилетие, создадут реальные условия, при которых пробудившиеся творческие силы и обогатившийся ум и жизненный опыт дадут осязательные результаты.

Нового быта нет, но он неизбежно будет и тем скорее, чем скорее деревня станет на ноги и будет в состоянии удовлетворить свои возросшие потребности и надобности.

Изучение деревни и внимание к ней культурных кругов населения, так необходимые в интересах всего государства, неизбежно приведут к изменению и улучшению деревенского быта.

Д. Золотарев.

Matériaux ethnographiques

publiés par le Département d'Ethnographie du Musée Russe.

TOME III. LIVRAISON I. 1926.

Contenu des mémoires et explications des figures.

I. A. Zaremskij. Histoire et technique du tissage des kilimes oukraniens.

Sommaire.

Notice historique sur les anciens tapis russes. Expansion de ces tapis pendant les périodes: lithuanienne, polonaise et celle des Cosaques. Etat actuel de la tapisserie. Préparation des matériaux; instruments. Teinture de la laine. Métier vertical pour le tissage des tapis. Technique du tissage. Métier horizontal pour le tissage et technique.

Explication des figures.

1, 2—Instruments pour la préparation du chanvre. 3—Instruments pour le filage. 4—Dévidoir. 5—Instruments pour tondre et peigner la laine. 6—Instrument pour bobiner. 7—Métier vertical. 8—Noeuds du tapis et entrelacement des fils du kilime. 9—12—Différents types du tissu des kilimes. 13—Métier horizontal. 14—Métier pour le dévidage préliminaire de la chaîne du tapis. 15, 16—Types du tissu des kilimes.

II. B. Križanovskij. Ornaments des kilimes oukraniens et roumains.

Sommaire et explication des figures.

Diversité des kilimes oukranien et roumains. Kilimes à dessin à fleurs (tradition persane) de l'Oukraïne Centrale (Fig. 1). Types locaux du groupe des kilimes à fleurs (Fig. 2—5 et planche). Influence occidentale sur ce groupe (Fig. 6, 7). Kilimes à dessin géométrique de l'Oukraïne Centrale (Fig. 8, 9). Kilimes de la tradition de l'Asie Centrale (Fig. 10—13). Kilimes oukranien et roumains à dessin à fleurs stylisées — tradition de l'Asie Mineure (Fig. 14, 15). Expansion de ces kilimes hors les limites de l'Oukraïne. Groupe des kilimes à dessin en forme de médaillon de l'Oukraïne Occidentale — tradition de l'Asie Mineure et de la région transcaucasienne (Fig. 16—21). Kilimes à dessins refaits sur les motifs des tapis musulmans pour les prières (Fig. 22, 23). Kilimes à fond et dessin mêlés (Fig. 24—27). Particularités des kilimes oukranien. Rapports entre les différents groupes des kilimes.

III. M. Friedé. Poterie au sud du gouvernement de Černigov.

Sommaire.

Préparation de l'argile. Instruments. Fabrication et peinture des poteries. Couleurs et couverte. Fourneaux pour la cuite des poteries. Ornaments. Fabrication des carreaux de faïence.

Explication des figures.

1—Instruments du potier. 2—4—Fourneau. 5, 6—Ornaments modernes. 7—Terrines de type ancien. 8—9—Carreaux de faïence. 10—Poêle en carreaux de faïence dans une hata (maison oukranienne).

IV. P. Efimenko. Tumuli de Riazan.

Sort des peuples finnois à l'époque de la migration des Slaves orientaux. Place tenue par les tumuli de Riazan parmi les autres groupes de tertres funéraires. Leur expansion. Caractéristique des enterrements du tumulus de Kousminsk. Analyse de l'inventaire des enterrements de femme: évolution de la forme des ornements féminins: colliers, diadèmes, pendeloques et bracelets. Inventaire des enterrements d'homme. Analyse du tumulus de Borkov et d'autres du type de ceux de Riazan. Emplacements occupés par le peuple auquel appartenaient ces tombeaux. Intégralité ethnographique des régions de Riazan et d'Oka. Analyse et importance du tumulus de Kochibéev.

Explication des figures.

1—Objets des tumuli de Riazan, stade A; 2—stade B et B₁; 3—stade C; 4—stade C₁; 5—stade D. 6—Objets du tumulus de Kochibéev.

V. A. Miller. Objets sacrificatoires des dzouars des Ossètes.

Sommaire.

Diversité des lieux sacrés chez les Ossètes et leur importance. Objets sacrificatoires: vases et plats pour préparer les aliments et objets sacrificatoires proprement dits. Pendeloques. Offrandes en étoffe. Signification de la couleur blanche.

Explication des figures.

1—Arbre sacré. 2—Dzouar (lieu sacré) dans une caverne. 3—8—Pengeloques.

VI. A. Glouhov. Taïelga (cérémonie religieuse).

Sommaire.

Persistance du chamanisme dans la région de l'Altaï. Offrandes. Préparatifs sacrificatoires. Choix du cheval. Ordonnance du lieu. Prières nocturnes du chaman (kamlanié). Cérémonies sacrificatoires. Annualité des sacrifices.

Explication des figures.

1—Plan du taïelga. 2, 3—Différentes parties du taïelga. 4—Vue générale du taïelga après les cérémonies sacrificatoires.

VII. G. Bonč-Osmolovskij. Demeures nuptiales des peuples turcs.

Sommaire.

Importance de la chambre et du rideau nuptiaux chez les Tatars de Crimée. Arrangement de la chambre nuptiale. Inspection de la dot. Rideau nuptial et son rôle pendant le déménagement de la mariée dans la maison de l'époux. Demeures nuptiales chez les autres peuples turcs—nomades et sédentaires. Voiture nuptiale des Tatars de Crimée; sa parenté avec la chambre nuptiale.

Explication des figures.

1—Chambre nuptiale des Tatars de Crimée. 2—Voiture nuptiale des Karanogaïtzes. 3—Voiture nuptiale des Nogaïtzes. 4—Arba (sorte de chariot) nuptiale des Nogaïtzes.

VIII. Th. Fielstroup. Demeures nuptiales des peuples turcs.

Sommaire.

Demeures nuptiales chez les Kasak—Kirghizes, les Kirghizes et les Abakanzes. Arrangement de la iourta nuptiale des peuples nomades. Transport de la iourta dans l'aoul (village) de l'époux. Tentés nuptiales provisoires et immobiles chez les Turcs de Sibérie. Cérémonies pendant l'arrangement de la demeure nuptiale. Cérémonies ayant rapport au foyer. Rideau nuptial et son rôle dans la maison paternelle de la mariée, pendant le déménagement ainsi que dans la maison nouvelle. Rideau nuptial comme l'équivalent de la demeure nuptiale. La demeure appartenant à la mariée,—l'époux entre dans la famille de sa femme.

Explication des figures.

1—Iourta nuptiale des Kirghizes. 2—Iourta des Kasak—Kirghizes. 3—Tente nuptiale des peuples de l'Altaï. 4—Demeures nuptiales et permanentes chez les Abakanzes. 5—Rideau nuptial chez les Kirghizes.

IX. A. Barannikov. Datzanes transbaïkaliens.

Sommaire.

Causes de l'expansion du bouddhisme. Etat actuel des datzanes (monastères bouddhistes). Disposition des datzanes. Description des bâtiments. Ordonnance du temple principal. Disposition des images. Petits temples. Demeure du lama. Occupations du lama: prières, pédagogie et beaux-arts. Importance des datzanes pour le peuple. Décadence actuelle des datzanes.

Explication des figures.

1—Vue générale du datzane de Tzougalsk. 2, 3—„Obo“—lieu d'adoration des esprits des montagnes. 4—Temple principal. 5—Soubourgane du datzane d'Aguïnsk. 6—Temple principal du datzane d'Iroïsk. 7—Vue intérieure du même temple; 8—même vue. 9—Ourta du lama. 10—Elèves préparant leurs leçons dans la rue. 11—Demeure du lama—anachorète. 12—Lama—peintre. 13—Imprimerie. 14—Xylographes et instruments pour les exécuter. 15—Chirétou (espèce de moine).

X. P. Efimenko. Statuette de l'époque Solutré.

Sommaire.

Description de la statuette. Extension de la culture à laquelle elle appartient. Statuette Kroukovskij. Figurines de marne. Epoque de la station de l'homme préhistorique à Kostenky. Planche—Statuette en ivoire (Kostenky).

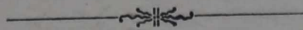
XI. D. Zolotarev. Observations ethnographiques dans les villages U. R. S. S. (1919—1925).

Sommaire.

Changements apportés par la Révolution dans le train de vie du village russe; ils s'y opèrent tout autrement qu'en ville. Décadence des anciens usages et coutumes au village avant la Révolution; elle ne fait que continuer sous cette dernière. Influence de la guerre. Rôle du village à l'époque du „communisme militaire“. Retour au passé, essais de s'accoutumer à l'absence des marchandises urbaines; succédanés des denrées et des objets usuels. Nouveaux phénomènes dans le domaine de la vie sociale et la culture matérielle; ils s'associent avec l'archaïsme profond de la vie rurale. L'instabilité économique retarde l'adhésion définitive du village russe au nouveau train de vie de la République.

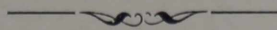
Explication des figures.

1—Pain d'épice du gouvernement de Kalouga — „Kamissar“ (commissaire). 2 — Femme en robe faite de longues bandes de tapis (gouvernement d'Olonetz). 3—Chaussure de propre invention. 4—Préparation du succédané de l'eau-de-vie — „samogonka“ dans un bois au gouvernement de Tver. 5 — Préparation de la „samogonka“ au bord de la Mologa au gouvernement de Tver. 6—Salle de lecture dans une isba au gouvernement de Tver. 7, 8—Pain d'épice de Noël—„kosouli“ (gouvernement d'Archangel). 9.—Signes judiciaires: 1—marques (kleïma) de Karelïe; 2—marques (méti) du gouvernement de Moscou; 3—marques (piatna) du gouvernement de Viatka; 4—marques (méti) du gouvernement de Kostroma; 5—lots (gérébia) du gouvernement de Jaroslaw. 10, 11—Jouets d'enfants du gouvernement de Tver. 12—Broderie pour les coiffures de femmes, nommées „soroki“ du gouvernement de Tver.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие	I
А. И. Зарембский. История и техника тканья украинских килимов.	1— 18
Б. Г. Крыжановский. Орнамент украинских и румынских килимов.	19— 44
М. А. Фриде. Гончарство на юге Черниговщины	45— 58
П. П. Ефименко. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа	59— 84
А. А. Миллер. Жертвенные предметы из осетинских дзуаров	85— 94
А. Н. Глухов. „Тайэлга“	95—100
Г. А. Бонч-Осмоловский. Свадебные жилища турецких народностей	101—110
Ф. А. Фиельструп. Свадебные жилища турецких народностей	111—122
А. П. Баранников. Забайкальские дацаны.	123—138
П. П. Ефименко. Статуэтка солотрейского времени с берегов Дона	139—142
Д. А. Золотарев. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР. (1919—1925 гг.).	143—167
Contenu des mémoires et explications des figures.	(1)—(3)

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ.

ТОМ I.

Очерк деятельности Этнографического Отдела с 1902 по 1909 г.—
 Н. М. Могилянский. Поездка в центральную Россию для собирания
 этнографических коллекций.—Ф. К. Волков. Старинные деревянные
 церкви на Волыни.—А. К. Сержпутовский. Земледельческие орудия
 белорусского Полесья.—А. А. Миллер. Из поездки по Абхазии
 в 1907 г.—С. И. Руденко. Чувашские надгробные памятники.—
 Д. Э. Ухтомский. Рай Сукавати.—Э. К. Пекарский и В. Н. Васильев.
 Плащ и бубен якутского шамана.—Д. А. Клеменц и М. Н. Хангалов.
 Общественные охоты у северных бурят.—Ф. К. Волков и С. И. Руденко.
 Этнографические коллекции из бывших российско-американских вла-
 дений.—Указатель предметов, личных и географических имен.—
 Contenu des mémoires et explications des figures. 215+5 стр.+IX табл.
 190 рис. 1 карта. 1910 7 р. 50 к.

ТОМ II.

Н. М. Могилянский. Памяти Д. А. Клеменца.—Л. В. Костиков.
 Изба семи государей.—А. К. Сержпутовский. Бортничество в Бело-
 руссии.—С. И. Руденко. Предметы из остяцкого могильника возле
 Обдорска.—А. А. Миллер. Черкесские постройки.—С. Ф. Ольденбург.
 Материалы буддийской иконографии Хара-Хото.—А. П. Иванов.
 Бумажное обращение в Китае до XV в.—А. П. Иванов. Символический
 орнамент в Китае (описание нефрита из коллекции А. В. Верещагина).—
 Ф. К. Волков. Человеческие кости из субургана в Хара-Хото.—Указатель
 этнографических предметов, личных и географических имен.—Contenu
 des mémoires et explications des figures 198+1—4 стр.+VII табл.
 146 рис. 1914 5 р. 00 к.

Цена 9 руб. 75 коп.